

Отзыв официального оппонента на диссертацию и автореферат
кандидата исторических наук Алексея Сергеевича Щавелева
«Языческие политии юго-запада Восточно-Европейской равнины IX–X вв.:
механизмы формирования властных и территориальных структур в исторической
динамике», представленные на соискание ученой степени доктора исторических наук по
специальности 5.6.2 – Всеобщая история (Средние века)

Оценивая научно-квалификационную работу А. С. Щавелева с точки зрения требований к докторским диссертациям «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. за № 842, в редакции Постановления от 20 марта 2021 г. за № 426 с изменениями, внесенными Постановлением от 26 мая 2020 г. за № 751, с самого начала отмечу не только мою высокую оценку диссертации, но и то, что автору давно стоило бы написать подобное сочинение, дабы подтвердить свой статус доктора исторических наук.

Представленная к защите диссертация является оригинальным исследованием, свидетельствующим о личном вкладе автора в науку. Самостоятельность сочинения подтверждается тем, что основные результаты исследования были опубликованы в рецензируемых изданиях, индексируемых как в международных базах данных, так и в базе данных РИНЦ (пункт 11 «Положения»). Эти публикации (более 70) позволили выводам и методикам пройти необходимую апробацию в научном сообществе. В случае заимствования необходимых для целей исследования материалов и результатов автор корректно ссылается на коллег и издания (пункт 14 «Положения»). Сравнение рецензируемого текста с предшествующими публикациями позволяет оценить его оригинальность, связанную как с самостоятельностью автора в формулировании задач и поиске путей их решения, так и со своеобразием структуры и исследовательских целей.

Научно-квалификационная работа характеризуется единством содержания и сбалансированной структурой. Она состоит из Введения историографического и методологического характера (с. 3–78), трех глав с соответствующими подразделами, несущих основную исследовательскую нагрузку (Глава I. Практики коммуникации на северном участке лимеса Ромейской империи [с. 78–177]; Глава II. Лимесные политии номадов (Болгария IX в. и Печенегия X в.) [с. 178–274]; Глава III. Полития Рюриковичей X в. [с. 275–341]), Заключения (с. 342–346), Приложений (с. 347–361), а также Библиографии (с. 362–440). Текст автореферата адекватно передает содержание диссертации и соответствует ее структуре.

В настоящем отзыве я постараюсь убедить членов Ученого совета и коллег, что диссертация соответствует выдвигаемым требованиям, не избегая при этом упомянуть те моменты в работе, которые я считаю заслуживающими дискуссии или авторской оценки.

Изящно обойдя с помощью географического уточнения («политии юго-запада Восточно-Европейской равнины») необходимость рассматривать еще одну политику – Хазарию, автор сосредоточился на деталях социально-политической организации болгар, печенегов и русов в контексте связанных с ними общностей. Научная проблема, на решение которой направлена диссертация, может быть сформулирована как обоснование многообразия существовавших в X в. социально-политических образований Восточной Европы, развернутая характеристика этого многообразия и его утверждение в качестве основной модели сосуществования разных восточноевропейских народов. И на уровне постановки проблемы, и на уровне ее решения на первый план автор выдвигает высокую степень теоретического обобщения, а именно – моделизацию исторического процесса¹.

Утверждение о разнообразии представляется крайне важным для понимания истории Восточной Европы X в. Именно в этом столетии здесь завязывается узел проблем, который до сих пор определяет ее развитие и который современные общества не в силах развязать. Понимание причин и истоков проблем современности как никогда актуально. Не менее важным и новым является поиск этих истоков в дохристианском прошлом Восточной Европы, что предполагает признание исторического континуитета и традиций.

Все это в совокупности свидетельствует, что исследование автора должно быть признано актуальным не только в силу нерешенности научных проблем, но и в силу современности звучания основных выводов. Применяемые в исследовательском процессе методы являются инновационными, а полученные выводы – новыми. Внедрение этих выводов в воспитательный и образовательный процессы, в написание школьных и университетских учебников, в культурное строительство и музейное дело, в медиапространство и массовое сознание, в международные отношения – вот лишь примерный перечень практического применения авторского видения истории, который превосходит скромную самооценку автора (ср. его видение практической значимости работы на с. 73). Считаю необходимой рецепцию этих выводов в фундаментальных исследованиях и обобщающих трудах по истории Восточной Европы.

Несколько слов необходимо сказать о методах и терминологическом аппарате. Автор предполагает использовать термины «общность» или «(со)общество» (с. 67),

¹ См., напр.: *Varenne F. Histoire de la modélisation : quelques jalons // Actes du colloque «Modélisation: succès et limites», CNRS & Académie des technologies. Paris, 6 décembre 2016. Paris, 2018. P. 10–35.*

отмечая, что в истории раннего Средневековья локальные этнопотестарные общности нельзя считать «племенами» строго терминологически. Можно догадаться, почему (простота власти и управления, эгалитарная структура, отсутствие редистрибутивной системы), однако автору стоило бы это сделать за читателя. В условиях реабилитации концепта «племя» в качестве адекватного для описания этнополитических явлений раннего средневековья² это было бы не лишним.

Отметим, что автор не совсем последователен в своем отказе от термина «племя». Вслед за Т. Левеллином он разделяет политии по их принципу управленческой организации на централизованные и децентрализованные³ (с. 70). Однако сам Тэд Левеллин (1940–2006) строил свою классификацию как раз на понятии «племя». Более того, и автор пишет на с. 72, что «вторым ключевым для нашего исследования термином (и стоящим за ним концептом) является племя», имея в виду, что первое – это вождество. Декларируя отказ от «племени», автор, возможно, в силу традиции, продолжает оперировать им на уровне теоретического осмысления и в отношении кочевых народов все же употребляет этот термин⁴.

Выполняя обещание, автор часто использует в исследовании концепт общности⁵. Однако этот термин нуждается в более строгом словоупотреблении в связи с параллельным использованием слова «общность» в генерализующем значении. Впрочем, главным героем исследования являются не общности, а народы. Термин «народ» прилагается ко всем этнополитическим раннесредневековым образованиям /

² Крадин Н. Н. Понятие племя в современной антропологии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. № 2. С. 4–12.

³ Lewellen T. *Political Anthropology. An Introduction*. Westport; London, 2003.

⁴ В диссертации упоминаются «племенная конфедерация мадьяр» (с. 85), «племена огузов» (с. 272), а также «навязчивые мотивы подчинения одних племен другим, которые повторяются в “письме” кагана тюрок императору Маврикию» (с. 188, прим. 658). Печенегии тоже могли быть объединены в племя – «сегментарную конфедерацию» «групп совместного кочевания» (с. 254). Племена существуют и у болгар. Автор полагает, что названия «родов» в «Именнике» могут обозначать «отдельные племена (быть этниконами) народа болгар», например, племя «Tula» (с. 187). Также диссертант задается вопросом, существовала ли у болгар в VIII в. децентрализованная надлокальная политико-коммуникационная структура типа племени или вторичного племени, которая теоретически могла либо мультиплицироваться в конфедерацию племен, либо подпасть под власть одного вождя и его клана и трансформироваться в вождество, и отвечает на него исторической альтернативой: такой организации или вовсе не было, или она существовала в форме племени или конфедераций племен (с. 203, 232).

⁵ Чаще всего этот термин, как в единственном, так и во множественном числе, прилагается к восточным и южным славянам и даже вынесен в название соответствующего раздела (общности славян, с. 299, 306, 336, 346; славянские общности, оседлые славяноязычные общности, славянская общность, с. 169, 170, 248, 307, 313, 319, 321, 325, 337, 358; общность вятичей, с. 315, 317; общность древлян, с. 318; общность дреговичей, с. 308; общность кривичей, с. 312; общность северян/север, с. 193, 312; поляне и лендзяне – два названия одной и той же общности, с. 300, 304, 306). Упоминаются также «сербы и другие балканские общности» (с. 40) и «славянские общности на Балканах» (с. 50), «общности болгар» и «болгарская общность» (с. 192), «общности тюркоязычных огузов» и «макрообщность огузов» (с. 53, 233, 252), «общности печенегов» и «печенежская общность» (с. 243, 260, 263, 265, 267, 269, 274, 345, 346). Можно встретить «общность ар-Рум (Византийская держава)», «общность ромеев (уммы “ар-Рум”» и «общность христиан» как синонимы (с. 282–283), а также, пусть и в историографическом контексте, «духовную общность православных народов» (с. 40).

этноязыковым общностям (с. 4, 17)⁶. Очевидно, что эта терминология восходит к разделу «О народах» (Περὶ ἐθνῶν) сочинения императора Константина Багрянородного «Об управлении империей». Можно догадаться, что диссертант выбрал русский перевод греческого термина, а не его кальку «этнос», во избежание современных коннотаций. Однако понятие «народ» точно так же насыщено актуальными смыслами. Термин «народ» используется в работе и в обобщающем, «нетерминологическом» значении⁷. Автору стоило бы специально оговорить этот термин и обратить внимание на строгость его употребления.

Еще о терминах. В своей работе диссертант подчеркивает, что термин «держава Крумидов» – его собственный неологизм для обозначения надлокальной территориально-политической системы у болгар, созданной ханом Крумом (с. 178). Очевидно, он появился по аналогии с «державой Рюриковичей»⁸. Последний термин возник в советской науке в результате перевода, не без насилия над смыслом, слова «империя», использованного одним из европейских философов⁹. Имперский характер политики Рюриковичей представляется мне отличным от особенностей болгарского вожества.

Перейдем к содержательной части диссертации. Дав подробную характеристику четырем комплексам письменных источников (с. 17–39), автор переходит к реконструкции структуры политий болгар, печенегов и руси, сопоставляя их друг с другом (с. 61). Ни одна из этих политий не была ранним государством. Их существование не превышало 100 лет, по прошествии которых полития дезинтегрировалась, развивалась в сложное вожество или трансформировалась в раннее государство (с. 344).

Основные тезисы о том, что в основе местного политогенеза вторичного характера лежали политический мимесис и импорт Византией своих политических технологий,

⁶ В работе присутствуют народ русь (с. 54, 55, 91, 92, 96, 100, 299), народ росов (с. 102), народ «ар-Рӯс» (с. 328), народы полян, уличей и древлян (с. 300, ср. тут же «общность полян», с. 303), народ «тиверцы-толковины» (с. 176), народ лендзян (с. 289–300, 303–306, 313), народ северов/северян (с. 317), славянский народ «ринхинов Первуда» (с. 168), народы (sic!) мазаров (с. 234), народ болгар (с. 49, ср. тут же «болгарский народ»), народ хорватов (с. 50), народ алан (с. 22), народ печенегов (с. 24, 51, 52, 86), народ хазар (с. 45, 55), народ мадьяр (с. 55, 58), народ каннинефатов (с. 106), народ огузов (с. 52, ср. «огузская этнокультурная макрообщность», с. 53). Существуют «иноплеменные (для Византии) народы» (с. 89) и «северная конфедерация» народов (племен)» (с. 312; ср.: Мельникова Е. А. Предпосылки возникновения и характер «северной конфедерации племен» // Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды / под ред. Г. В. Глазыриной и Т. Н. Джаксон. М., 2011. С. 101–102).

⁷ Мы встречаем здесь северные народы – (народы северного лимеса, с. 41), православные народы (с. 40), варварские народы (с. 68), славянские народы (с. 96, ср. «народ “склавов”, т. е. славян»), балканские народы (с. 99, ср. тут же «народы Балкан»), кочевые народы (с. 98), тюркоязычный народ (с. 119) и даже «инородцев» («славян или каких-либо еще народностей», с. 90, при том, что автор разумно избегает термина «народность», ср. с. 158, 245).

⁸ Бахрушин С. В. Держава Рюриковичей // Вестник древней истории. 1938. № 2 (3). С. 88–98.

⁹ “The Gothic period of Russia in particular forms but a chapter of the Norman conquests. As the empire of Charlemagne precedes the foundation of modern France, Germany, and Italy, so the empire of the Ruriks precedes the foundation of Poland, Lithuania, the Baltic Settlements, Turkey and Muscovy itself”. См.: Marx K. Revelations of the Diplomatic History of the 18th Century // Marx K., Engels F. Collected Works in fifty volumes. Vol. 15: 1856–1858. London, 1987. P. 75–76.

приводившие к появлению «двойной легитимности» (с. 109, 129–130), аргументированы ссылками на исторические тексты и их методологически корректным анализом.

Автор выделяет три уровня или сферы коммуникации в исследуемом регионе. Важнейшую роль в развитии вторичного политогенеза играла политическая коммуникация и культурный трансфер (с. 79). В соответствующей главе предлагается реконструкция таких практик. Их анализ дается на широком фоне исторических аналогий, не связанных с исследуемыми политиями, что имеет характер доказательной статистики.

Анализ нарративных известий IX–X вв. демонстрирует роль Византии в целенаправленном создании «архонтов» у разных народов, что отвечало интересам местных вождей (см. с. 96). Однако была ли инвестиция архонтов лишь ответом Византии на естественный процесс появления местных лидеров или ромеи практиковали искусственную иерархизацию местных общностей? Представляется, что с точки зрения автора политические инвестиции Византии были реакцией империи на структурирование восточноевропейских политий. Так, говорится о появлении вождей у разных групп руси, а выделение привилегированного рода Игоревичей рассматривается как инновация (с. 333), связанная с формированием централизованной политики с базовой территорией.

Складывается впечатление, что Византия лишь утверждала сложившийся порядок вещей, что отражено в греческих нарративах. Однако архонты русов выступают, прежде всего, не в нарративных сочинениях, а в правовых документах дипломатического характера – византийско-русских договорах 911 и 944 гг., позднее – в сфрагистических материалах. Тексты договоров, как представляется, не только пассивно фиксировали происходящее, но и активно навязывали русам «архонтизацию» путем выделения вождя «всех/всей руси» или «всех русов», подчеркивая его роль в соблюдении всеми группами русов положений трактатов и создания митрополии русов в Киеве. При этом, как кажется, в договорах речь может идти не только о днепровской руси, связанной с Рюриковичами, но и о другим омонимичных этносоциальных группах, утвердившихся вдоль восточноевропейских коммуникаций от Западной Двины до Волги¹⁰.

Другим важным условием «архонтизации» политий являлся конфессиональный фактор. Автор аргументированно демонстрирует, что вторичный политогенез в изучаемой части Восточной Европы начинается в условиях «языческого» самосознания. Представляется, что ситуация менялась достаточно быстро, тем более что политогенез был связан с мимесисом, а институт архонтов, в некоторых случаях, – с процедурой крещения (с. 101). Еще до утверждения христианства болгарские вожди Омуртаг,

¹⁰ Мусин А. Е. *Corpus fratrum* или «союз архонтов»? Историко-археологический комментарий к моделям власти в Восточной Европе конца XI века // *Stratum plus*. 2018. № 5. С. 195–197.

Маламир и Персиан именуют себя «ἐκ θεοῦ ἄρχων» («архонт от Бога» в значении «милостью Божией») (с. 210–211, 222, 225). Дихотомия «крещеная русь / языческая полития» также была характерна для «нулевой фазы» политогенеза русов 860-х гг. (с. 103). В условиях языческой политии христианский статус подтверждает и Ольга (с. 91–96). Для общностей печенегов и их архонтов (с. 265–266) информация на эту тему кажется менее определенной, первичная христианизация обычно связывается с миссионерской деятельностью Бруно из Кверфурта в начале XI в. Однако факт самоопределения печенежских вождей как архонтов известен по данным сфрагистики¹¹, что указывает не только на политические, но и на культурные перемены. Пользуясь авторской терминологией, можно утверждать парадоксальное: вторичный политогенез языческих общностей был связан с первичной христианизацией.

Политическая коммуникация в регионе была немыслима без коммуникации водной. Известные из письменных источников типы судов выстроены автором в типологию вполне археологического характера. Крайне важным является обоснованный текстологически вывод, что появление слова «τὸ μονόξυλον» в трактате «Об управлении империей» является данью антикварной книжной традиции и что этим словом император Константин VII заместил словосочетание «ὁ ἀκατὸς μικρός» из «Наумахики» своего отца Льва VI Мудрого, характеризующее тип среднего корабля, который был главным и универсальным плавательным средством русов для передвижения по крупным рекам и морю (с. 144–149, 158). «Амфибийная культура»¹², результат аккультурации скандинавов в местной среде, демонстрирует схожие черты от Восточной Европы до Нормандии.

Исследование автора демонстрирует, что в области языковой коммуникации важную роль играли не только «феномен многоязычия» (с. 160), часом вынужденный, и отдельные полиглоты (с. 162–170), но и профессионалы и профессиональные группы, представленные переводчиками и обладавшие определенным социальным статусом как в Византии, так и в политиях (с. 170–177). Свидетельствами, подтверждающим их существование, служат данные сфрагистики, например, моливдовул патрикия Сфена, «переводчика англичан» (с. 160–161, 360–361). Эти наблюдения могли бы быть дополнительно обоснованы включением в исследование печати Михаила, себаста и великого переводчика варягов, описанной Густавом Шлюмберже (1844–1929)¹³.

¹¹ Jordanov I. Sceau d'archonte de Πατζινακία du XIe s. // *Études balkaniques*. 1992. № 2. P. 79–82.

¹² Об этом понятии см.: Carpentier V. Du mythe colonisateur à l'histoire environnementale des côtes de la Normandie à l'époque viking: l'exemple de l'estuaire de la Dives (France, Calvados), IXe–XIe siècle // *Vers l'Orient et vers l'Occident: regards croisés sur les dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne* / Dir. P. Bauduin, A. Musin. Caen, 2014. P. 199–214.

¹³ Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire byzantine. Paris 1884. P. 350.

Отдельная глава посвящена политике русов, которая для меня представляла особенный интерес. Русь изображена здесь как типичное вождество с центром, субцентрами второго уровня и достаточно нестабильной периферией базовой территории. Очевидно, речь здесь идет о «рюриковой» руси, иначе киевской или среднеднепровской. Политика этой руси в контексте постоянного использования концепта «народа русь» вызывает устойчивые этнические ассоциации. В то же время исследователи неоднократно обращали внимание на отмеченную источниками полисемию руси, которая могла выступать и как социальная, и как этническая общность, что позволило в свое время определить русь как этносоциальную группу или этносоциум¹⁴. Мне не хватало в рассматриваемой диссертации упоминания о возможной этносоциальной интерпретации руси или аргументированного отказа от такого подхода.

Мне кажется что социальную структуру руси можно было бы охарактеризовать более конкретно. С одной стороны, автор определяет русь, согласно концепции Мортон Фрида (1923–1986)¹⁵, как достаточно гомогенный социум или (ранне?)стратифицированное общество, часть которого была объединена кровнородственными связями¹⁶ (с. 328, 335–336). С другой стороны, в диссертации встречаются утверждения о «социальной стратификации руси», представлявшей «стратифицированное» (без добавления ранне-) общество, в котором существовало три уровня социального ранжирования (с. 327–329, 334). Думается, что привлечение данных археологии погребального обряда, который возможно связать с русью, а также информации о разнице выплат членам посольства русов (с княгиней Ольгой во главе), содержащейся в сочинении «О церемониях византийского двора», позволило бы уточнить представления об имущественных и социальных статусах среди русов X в.

¹⁴ Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги // Славяне и скандинавы / ред. Е. А. Мельникова. М., 1986. С. 204; Мачинский Д.А. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли / Ред. Г. С. Лебедев. Л., 1984. С. 5–25; Лебедев Г. С. Комментарий к статье I Русской Правды краткой редакции // Генезис и развитие феодализма в России: проблемы идеологии и культуры: проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 10. Л., 1987. С. 78–84; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «русь» в этнокультурной истории древнерусского государства (IX–X вв.) // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24–38; Мусин А. Е. «Погибель земли Русьской». Средневековый словарь и его прочтения: к эволюции этнополитических представлений в Восточной Европе XII–XVI вв. // Середньовічна Русь: проблеми термінології / ред. В. Нагірний, М. Волощук. Colloquia Russica. Series II. Т. 4. Івано-Франківськ; Краків, 2018. С. 93–148. Ср. недавние текстологические основания для этой гипотезы: Вилкул Т. Л., Николаев С. Л. Русь в перечнях народов «Повести временных лет» и вне их // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1. С. 138–160.

¹⁵ Fried M. H. The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology. New York, 1967.

¹⁶ Со ссылками на: Ковалевский А. П. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / под ред. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1939. С. 162, 164–165; Калинина Т. М. Термин «люди дома» («ахл ал-байт») у Ибн-Фадлана по отношению к обществу русов // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993 годы: Материалы и исследования. М., 1995. С. 134–138.

Весьма адекватной и перспективной является использованная в работе концепция базовой (нуклеарной) территории. Существование таких территорий у днепровских русов и болгар не вызывает сомнений, однако в отношении кочевнического общества печенегов автор сам отмечает острый дефицит подчиненных урбанизированных территорий (с. 274). Возможно, в данном случае стоило бы вести речь не о базовых территориях, а о базовых ареалах кочевий.

Обратимся к территориальной истории России с центром в Киеве, которая была окружена «протекторатами-лимитрофами» славян-«пактиотов» руси. Согласно автору, их земли были впоследствии аннексированы или отчуждены и превращены в часть России (с. 299, 307, 313, 358). На наш взгляд, способы контроля руси над «подплатежными землями» («ὀλόφωρα χώρα», с. 288, 299, 307) и формы присутствия здесь русов в X в. требуют уточнения. Взаимоотношения этих территорий с «базовой» Руськой землей не всегда можно характеризовать как «аннексию». По нашим наблюдениям, еще в конце XI в. Рюриковичи предпочитали осуществлять в междуречье Горыни и Случи, на западе древлянской земли, «точечный» контроль над узлами коммуникаций, а не территориальную власть, а в середине XII в. южные регионы Погорынья, считаясь «волостями Руськой земли», непосредственно в эту землю не входили¹⁷. Империя Рюриковичей изначально имела колониальный характер.

Вывод автора, что обязательное прочтение трактата «Об управлении империей» «аннулирует все попытки северо-западных локализаций лендзян» (с. 303), представляется крайне важным на фоне проникновения в отечественную науку польско-чешских историографических мифов¹⁸. В связи с локализацией и миграцией общности уличей и местонахождения их града Пересечен (с. 301), автор упоминает существующую дискуссию, однако по непонятным причинам не упоминает некоторые работы в библиографии¹⁹.

Несколько разнятся в диссертации даты и характер установления контроля русов над общностью северян: русь подчиняет северян в середине X в. (с. 314); по данным археологии, захват русью территорий Левобережья Днепра и насильственное уничтожение политики народа северян произошли в начале XI в. (или на рубеже X–XI вв.)

¹⁷ См.: Мусин А. Е. *Corpus fratrum* или «союз архонтов»? С. 195–197; Мусин А. Е. «Погибель земли Руськой». С. 110, 115.

¹⁸ См., напр.: Алимов Д. Е. «Пражская империя» и лендзяне: размышления о появлении славянской идентичности в Восточной Европе // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2018. № 2. С. 117–144.

¹⁹ Рабинович Р. А. Уличи и тиверцы в оценках историографии // *Stratum Plus*. № 5 (2003–2004). 2005. С. 440–484; Рабинович Р. А. Проблема локализации летописных уличей по данным письменных источников различных традиций // *Revista de etnologie și culturologie*. 2007. Vol. II. 2007. С. 46–51; Рабинович Р. А. В поисках достоверной локализации летописного Пересечена // В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой / ред.-сост. А. Е. Мусин, О. А. Щеглова. СПб., 2017. С. 485–498.

(с. 338); наконец, северян X – первой трети XI в. можно квалифицировать как автономную политику, подчиненную Руси (с. 339). Возможно, однако, что подчинение северян русам не было линейным процессом. Скандинавские и скандинавообразные артефакты, преимущественно связываемые с русами, в Посеймье датируются второй половиной X в.²⁰ Согласно одной из гипотез, в середине 960–980-х гг. отношения между северянами и русами могли стать конфликтными, на что указывает, в том числе, упадок обращения восточной монеты в Посеймье²¹, и ниже Новгорода-Северского на р. Десна в сгустке роменских городищ у с. Радичев, включая Хотинское городище²², мог сложиться центр сопротивления инвазии руси²³. Пределом ее продвижения в это время мог быть Сновск, где позднее известна «Сновская тысяча». Противостояние закончилось военной акцией русов около 985 г.²⁴

Стоит согласиться с диссертантом, поддержавшим долгую историографическую традицию, к которой принадлежит и оппонент, согласно которой упомянутый Константином Багрянородным *Νεμογαρδάς/Νεβογαρδάς* вряд ли может быть отождествлен с Новгородом на р. Волхов (с. 292–294). Его локализация на р. Десна в связи с Новгородом-Северским возможна, однако утверждение, что это поселение уже в середине X в. представляло собой значимый городской центр с мощной фортификацией, развитым домостроительством и ремесленным производством (с. 295, 296, 338) не находит подтверждения в археологических материалах. Автор оценивает некоторые публикации об археологии города как декларативные (с. 295, прим. 1095), однако известные материалы свидетельствуют об этом поселении как достаточно рядовом, основное развитие которого приходится на вторую половину X в.²⁵ Точно так же для утверждения,

²⁰ Ср.: *Андрощук Ф. О.* Нормани і слов'яни у Подесенні. Моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя. Київ, 1999. С. 107–108; *Шпилев А. Г.* Украшения круга «скандинавских древностей» из Курской области // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск, 2009. С. 232–250.

²¹ См. на эту тему: *Шинаков Е. А.* Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002. С. 187–188. Полемику см. в: *Горский А. А.* Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 76. См. также: *Енуков В. В., Раздорский А. И.* О времени основания и первого упоминания древнерусского Курска // Российская история. 2015. №2. С. 39–59. Ср.: *Фомин А. В.* Топография куфических монет междуречья Днестра и Десны // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев, 1988. С. 74–80.

²² О памятнике см.: *Каравайко Д. В.* Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья. Киев, 2012. С. 207–208; *Казakov А. Л., Черненко Е. Е.* Археологические исследования северянского Радичева // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2012 г.: Научный ежегодник. Гомель, 2013. С. 171–175. Ср.: *Андрощук Ф. О.* Нормани і слов'яни. С. 19–20.

²³ Ср.: *Григорьев А. В.* Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000. С. 202, 209.

²⁴ Ср.: *Енуков В. В.* Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005. С. 165–306.

²⁵ См., напр.: *Кедун І. С., Черненко О. Є.* До питання про початковий період історії Новгорода-Сіверського // Археологія і давня історія України. 2013. Вип. 11. С. 82–89; *Григорьев А. В.* Раскоп X на городище «Замок» г. Новгорода-Северского // Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам'яті А. В. Кузи. Київ: 2014. С. 398–403; *Кравченко Р. А.* Археологічні комплекси X – початку XI ст. з городища Замкова гора у Новгород-Сіверському (за матеріалами досліджень 2014–2015 рр.) // Археологія. 2017. № 1. С. 80–87.

что Горнальский археологический комплекс мог быть столицей политики северян (с. 338, 354), недостаточно данных. Скорее, он был центром общности с ограниченной территорией²⁶. Такая гипотеза требует новых полевых исследований и дополнительной аргументации.

Я обратил внимание на присутствие в работе новых датировок летописных событий, следующих модной тенденции. Так, автор пишет: «Как хорошо известно, после 941 г. древляне убивают князя Игоря Рюриковича» (с. 307), византийско-русский договор 944 г. имеет «широкую датировку между августом 931 и серединой декабря 944 г.» (с. 316–317, 334), «поход на вятичей Святослав мог совершить с начала 930-х до самого конца 960-х гг.» (с. 316). Предложенные датировки являются авторскими и новыми. В предшествующих публикациях диссертант неоднократно приводил ряд аргументов в их пользу. Однако они не приведены в научно-квалификационной работе, тогда как этот жанр предусматривает подобные обоснования.

Впрочем, летописная хронология оказывается надежной, чем кажется. Это признает и автор, говоря о совпадении летописных дат и археологических датировок, связанных с появлением русов на Днепре (с. 276). Добавим, что дендродаты деревянных деталей первых фортификаций Рюрика Городища, недавно полученные в Лаборатории дендрохронологии Новгородского музея-заповедника Ольгой Тарабардиной, укладываются в узкий хронологический интервал 858–861 гг.²⁷, что непосредственно предшествует летописному времени утверждения Рюрика у озера Ильмень. Здесь же стоит вспомнить не использованное диссертантом свидетельство Ибн Хаукаля, сообщенное под 358 г. х. (968/969 г.), об имевшем место разгроме Хазарии русами. Указанный арабским автором год относится к его посещению Джурджана, где он и получил информацию о походе, состоявшемся за несколько лет до этого, не исключено, что в 965 г.²⁸

Оценивая диссертацию в целом, я преимущественно старался обращать внимание на то, что в ней есть, а не на то, чего в ней нет. Однако жанр отзыва на научно-квалификационную работу предусматривает и внимание к тому, что в диссертации затронуто, по мнению оппонента, в недостаточной степени. Несмотря на введенные автором географические пределы исследования, в тексте заметно отсутствие двух

²⁶ Ср.: Куза А. В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981. С. 145–147; Енуков В. В., Енукова О. В. Исследования Горнальского археологического комплекса в 2012–2013 гг. // Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам'яті А. В. Кузи. Київ, 2014. С. 169–180.

²⁷ Хвоцинская Н. В. Укрепления Рюрика городища под Новгородом в контексте новейших археологических изысканий // Археологические вести. 2021. Вып. 33. С. 119.

²⁸ Бартольд В. В. Арабские известия о русах // Бартольд В. В. Сочинения: в 9 томах / пред. ред. кол. Б. Г. Гафуров. М., 1963. Т. 2. Ч. 1: Общие работы по истории Средней Азии; Работы по истории Средней Азии; Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. С. 849–850.

политий, которые принимали участие в формировании политики русов: Хазарии и Венгрии.

Я сомневаюсь, что тамга Рюриковичей была заимствована ими непосредственно из хазарской политической символики²⁹, однако хазары, пользуясь терминологией диссертанта, активно «инвестировали» в русь и славянские общности как в области политической культуры, так и в области административного и экономического контроля³⁰. Другим «спонсором» руси и в то же время ее соперником выступала общность венгров. Венгерское присутствие на юго-западных землях³¹ стоит сопоставить с неизвестностью здесь до рубежа X–XI вв. артефактов, связанных со скандинавами и русью³². По сути дела, венгры изолировали юго-западные земли Восточной Европы от северного влияния, сыграв здесь роль этнокласса³³, консолидирующего местное общество подобно этносоциуму русь, выступавшему в такой роли в восточных регионах³⁴. Очевидна роль венгров в

²⁹ Мусин А. Е. Двужубец Рюриковичей: начало и конец легенды // *Stratum Plus*. 2020. № 6. С. 263–275.

³⁰ Уже в 830-е гг. правители руси могли заимствовать титул верховного главы Хазарии – каган, который сохранялся в обиходе вплоть до XI в., а форма и содержание «Киевского письма» X в. из собрания каирской генизы и «Кембриджского документа», возможно, части корреспонденции 950–960-х гг. между секретарем халифа Кордовы и каганом Хазарии, находят определенное подтверждение в зафиксированной летописью исторической памяти киевского общества о выплате «хазарской дани». См.: *Annales Bertiniani* / ed. G. Waitz. MGH. *Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum*. Hannover, 1883. P. 19–20; Коновалова И. Г. О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // *Славяне и их соседи* / ред. Б. Н. Флоря. Т. 10. М., 2001. С. 108–135; *Schechter S. An Unknown Khazar Document* // *Jewish Quarterly Review*. 1912/1913 N. S. Vol. 3:2. P. 182–219; *Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century*. Ithaca, London, 1982; Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 9, 12, 14, 15, 17, 53.

³¹ Речь идет о венгерских некрополях и погребениях венгерского облика в Перемишле, Галиче, Судовой Вишне и Рованцах, см.: *Koperski A., Parczewski M. Das Altungarische Reitergrab von Przemyśl (Südostpolen)* // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1978. Т. 30 (1–2). S. 213–230; *Koperski A. Cmentarzysko staromadziarskie z X w. w Przemyślu* // *Przemyśl wczesnośredniowieczny* / ed. E. Sosnowska. *Origines Polonorum*. Т. 3. Warszawa, 2010. P. 365–388; *Ратич О. Багате поховання рубежу X–XI ст. у Судовій Вишні* // *Середні віки на Україні* / Відп. ред. Ф. Шевченко. Вип. 1. Львів, 1971. С. 162–168; *Fettich N. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn* *Archaeologia Hungarica*. Bd. 21. Budapest, 1937. S. 297, 299–300. Taf. CXXXV: 4–5, 20; *Пастернак Я. Старий Галич. Археологічно-історичні досліді у 1850–1943 рр.* Львів; Краків, 1944. С. 54–55; *Верба Т., Прохненко І., Тюрк А., Загорхиди Цигань Б., Аль Халаби С., Федоров О.* Погребение второй половины X в. с инвентарем «венгерского облика» у с. Рованцы из Украины // *Первый молдо-венгерский археологический круглый стол, посвященный вопросам раннего средневековья Восточной Европы*. Кишинев, 10–11 июня 2015 г. / ред. А. Тюрк, Д. Будаи, Л. В. Дергачева, В. С. Синика, Р. А. Рабинович. Будапешт, 2020. С. 279–315

³² См., напр.: *Liwoch R., Müller-Wille M. “Druzhina” Graves Dating to the Time around AD 1000 in Pidgirci (Western Ukraine)* // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. 2012. Bd. 42 (3). S. 421–438; *Bagińska J., Kotowicz P. N., Kucypere P., Rybka K. Sword fragment from Nowosiółki Kardynalskie, Tomaszów Lubelski District. Materials and Conservation Remarks* // *Weapons Brings Peace? Warfare in Medieval and Early Modern Europe* / red. L. Marek. *Wratislavia Antiqua*. Т. 18. Wrocław, 2013. S. 31–40; *Kotowicz P. N., Śnieżko G. Unikatowy trzewik pochwy miecza z Mielnika nad Bugiem na Podlasiu* // *Acta Militaria Mediaevalia*. 2018. Т. 14. S. 221–228.

³³ *Рябцева С. С., Рабинович Р. А.* К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях в IX–X вв. *Revista Arheologică S. N.* 2007. Т. III (1–2). С. 195–230; *Рабинович Р. А.* О возможной роли венгров в истории Карпато-Днестровских земель в IX–X вв. // *Археология Евразийских степей. Материалы IV Международного Мадыарского симпозиума. Казань-Болгар, 15–19 октября 2018 г.* Вып. 6. Казань, 2018. С. 181–188.

³⁴ *Мусин О., Войцешук Н.* Перемишль та «гірська країна Перемишльська»: межі землі та грані історії // *Княжа доба: історія і культура*. 2020. Вип. 14. С.31–122, 273–276.

распространение в Восточной Европе ювелирных украшений постморавской традиции³⁵. Таким образом, Византия была не одинока в сотворении Руси.

Роль общностей Новгорода, Приильменя и Поволховья в политогенезе руси оказывается неясной в силу мизерности информации (с. 312). Высокий статус Новгорода как «второй власти» Рюриковичей прослеживается лишь ретроспективно³⁶. летописные сообщения об изучаемом периоде сводятся к эпизодам 946 и 970 гг. (ср. с. 296). Автор утверждает, быть может, излишне категорично, что о присутствии руси в районе Ильменя из синхронных источников X в. ничего не известно (с. 294–295). Однако эти земли оказываются для нее своего рода «протонуклеарной» территорией. Нельзя не обратить внимания на синхронность возрождения Городища, появления Новгорода и кристаллизации политики Рюриковичей в 930–950-е гг.³⁷ Это позволяет поставить вопрос о роли Новгорода в сложении киевской политики и задуматься о ее особенностях.

Несколько слов стоит сказать о языке научно-квалификационной работы. Оппонент согласен, что современная наука должна быть системно организованным знанием, изложенным специальным языком. Диссертация, несомненно, отвечает этим критериям. Однако я чувствую себя неловко в присутствии таких словосочетаний как «истеблишмент хинтерленда империи на лimesной периферии» (с. 85) и некоторых других. Добавлю, что в научно-квалификационной работе фразы «диалог с рэкетированной общностью о необходимости выплатить дани» (с. 315) и т. п. представляются модернизированными и несоответствующими целям сочинения, несмотря на некоторое сходство способов получения прибыли средневековыми общностями и современным криминальным миром.

Библиография диссертации отражает свободное владение автором базовыми и новыми публикациями по теме исследования. В то же время я считаю, что академические исследования должны игнорировать публикации, имеющие основные признаки плагиата³⁸, вне зависимости от отношения научного «истеблишмента» к их составителям; тем более не стоит приписывать им авторство представлений о руси как о «торговой

³⁵ См. на эту тему: *Duczko W.* Post-wielkomorawski fenomen. *Wczesnośredniowieczna sztuka złotnicza w Środkowej i Wschodniej Europie // Inspiracje i funkcje sztuki pradziejowej i wczesnośredniowiecznej / Red. W. Piotrowski, A. Grossman, B. Gediga.* Wrocław, 2018. S. 107–119.

³⁶ См. выходную запись Остромирова Евангелия, что находит соответствие в двухчастной структуре ранних государств, например, в Польше Болеслава I. Ср.: *Мусин А. Е.* Загадки дома святой Софии. Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. СПб., 2016. С. 9–10. Ср.: *Dalewski Z.* Władza, przestrzeń, ceremonia. Miejsce i uroczystość inauguracji władcy w Polsce średniowiecznej do końca XIV w. Warszawa, 1996.

³⁷ *Мусин А. Е., Тарабардина О. А.* Скандинавы среди первооселенцев Новгорода по данным археологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 2. С. 762–785; *Мусин А. Е.* Рюриково городище, Ярославово дворище и Великий Новгород // Археологические вести. 2020. Вып. 28. С. 45–75.

³⁸ См. с. 53, 55, 276, 325, 329, 332, 335, 401 (позиция 402) настоящей диссертации. См. по этому поводу: *Мусин А. Е.* Некоторые мысли, возникающие после прочтения новых книг. Об «очерках начальной руси», составленных Алексеем Петровичем Толочко // Княжа доба: історія і культура. 2016. Вып. 10. С. 242–257.

компании» (с. 55). Они принадлежат Ричарду Пайпсу (1923–2018)³⁹ и восходят к Александру Преснякову (1870–1929), писавшему о «разбойничьей торгово-промышленной колонии варягов»⁴⁰.

Стоит отметить высокое качество оформления работы и библиографических описаний и их соответствие принятым в Российской Федерации стандартам. Редкие опечатки не портят общего позитивного впечатления. В качестве курьеза замечу, что, несмотря на мои неоднократные «протесты», диссертант в некоторых случаях продолжает именовать своего оппонента Е. А. Мусиным (с. 55, 334, прим. 1214, 394 [позиция 293]). Впрочем, этот курьез, в силу некоторых причин, кажется мне весьма милым.

Хочу надеяться, что мне удалось убедить уважаемых членов Ученого совета, коллег и экспертов, что диссертация – докторская и написана специалистом уровня доктора наук. Все замечания высказаны в рамках академической дискуссии или в порядке пожелания. Они не влияют на мою высокую оценку сочинения. Характер и объем проделанной работы, использованные в ней методы и ее результаты свидетельствуют, что диссертация является завершенным научным исследованием, полностью соответствующим по научной значимости критериям специальности 5.6.2 – Всеобщая история (Средние века). Автор рецензируемой научно-квалификационной работы давно заслуживает присуждения ему ученой степени доктора наук, что, вне всякого сомнения, способна подтвердить дискуссия в процессе публичной защиты его диссертации (пункт 30 «Положения»).

31 декабря 2021 г.

Подпись *руки А.Е. Мусина*
Удостоверяю *ученый секретарь ИИМК РАН*
Е.С. Жог
31.12.21

Для документов

Александр Евгеньевич Мусин
официальный оппонент, доктор исторических наук
ведущий научный сотрудник
Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН
Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия
Тел.: +7 (812) 571-50-92, e-mail: admin@archeo.ru

³⁹ Pipes R. Russia under the Old Regime. New York, 1974. P. 31.

⁴⁰ См.: Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь / подгот. текста, ст. и примеч. М. Б. Свердлов. М., 1993. С. 292.